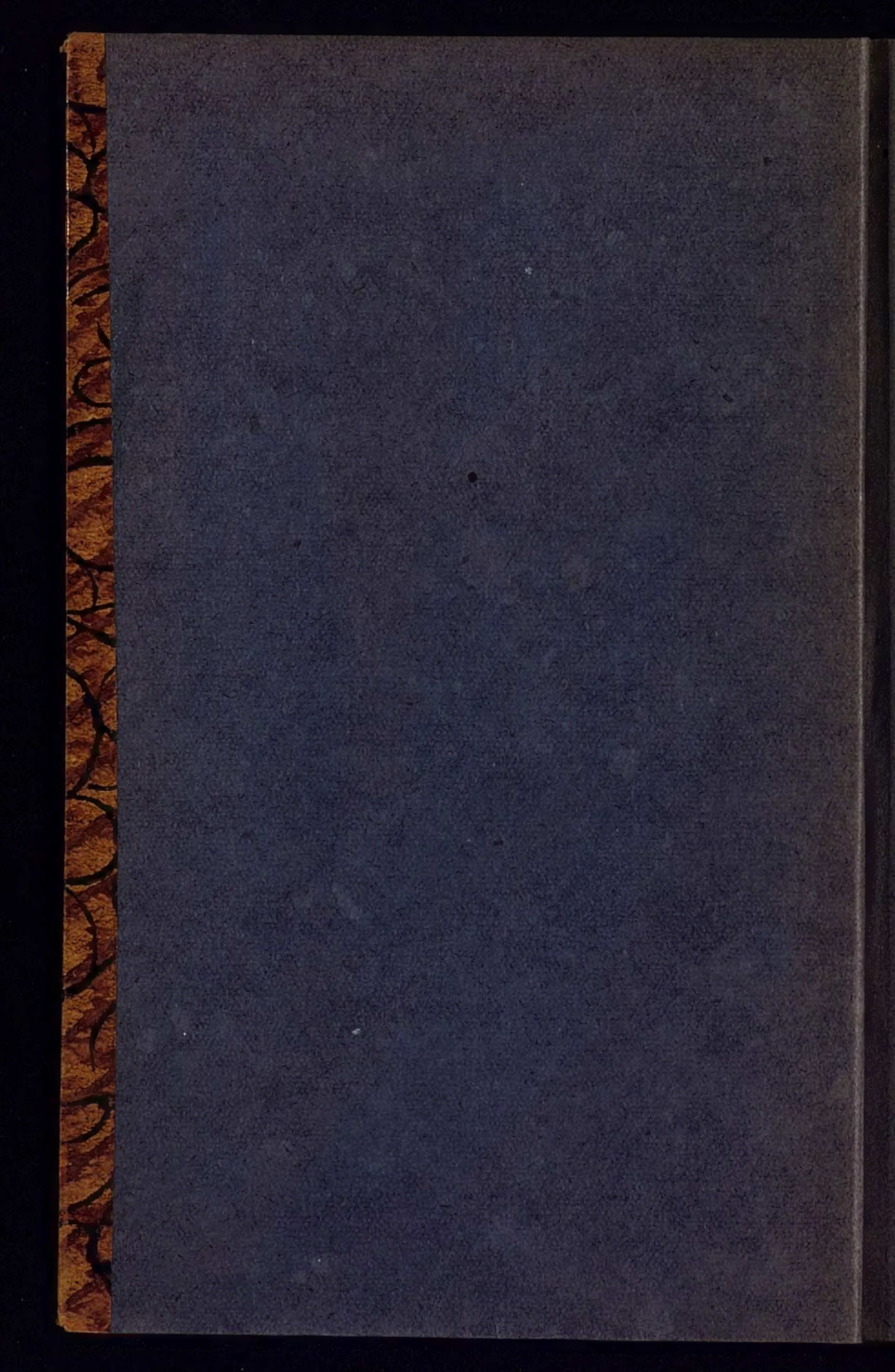
Н. Бухарин.

Армия в Советской Республике.

Пермь, 1918.

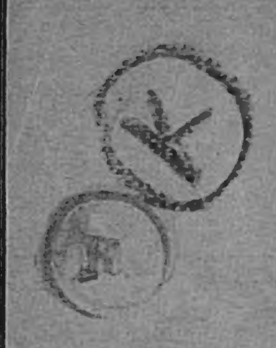
Н. БУХАРИН.

Армия в Советской Республике.

Цена 35 коп.

Издание
Политического Отдела Штаба III-й Армии.
Пермь 1918 года.

ВООРУЖЕННЫЙ НАРОД НА СТРАЖЕ СВОИХ ЗАВОЕВАНИЙ.

„Лучшая гарантия, лучшее обезпечение свободы— это винтовка в руках рабочего“, — так говорил один из творцов научного коммунизма, Фридрих Энгельс. Теперь только видно на самом деле, насколько правильно это изречение. Оно целиком подтверждается опытом великой революции 1917 года.

Еще несколько времени тому назад даже некоторые левые товарищи выставляли лозунг *разоружения*. Они говорили так: повсеместно буржуазия строит колоссальный, чудовищный флот: подводный, надводный и воздушный; растут безумно-громадные армии; строются сверх'естественные крепости; громадные пушки и такие орудия истребления, как броневики и танки [1]). Нужно уничтожить всю эту ужасную систему насилия. Нужно требовать всеобщего разоружения.

---

[1]) Танк—это нечто в роде исполинского броневого автомобиля Это чудовище едет, несмотря ни на какие препятствия: оно проламывает стены и проезжает через дома, ломает строевой лес и т. д. Попятие

Не так ставили вопрос мы, большевики. Мы говорили: наш лозунг таков: *разоружение буржуазии, вооружение*, — поголовное и безусловное, — *рабочего класса*. В самом деле, ведь, смешно уговорить буржуазию сломать свой самый острый волчий клык, вооруженную силу, (из одураченных ею рабочих и бедняков-крестьян), которая находится у нея в руках. Эту смертоносную машину насилия можно разрушить только *насилием* же. Оружие кладется тогда, когда того добивается другое оружие. В этом и заключается смысл *вооруженного восстания* против буржуазии. Для буржуазии ея армия, это — орудие борьбы за раздел мира — с одной стороны, орудие борьбы с рабочим классом — с другой. Царь и Керенский мечтали при помощи армии завоевать Константинополь, Дарданельский пролив, Галицию и много других лакомых кусков. В то же время и царь, и Керенский (значит, и помещики, и буржуазия) душили рабочий класс и крестьянскую бедноту. Армия была орудием в руках крупных собственников для раздела мира и порабощения бедноты. Вот кто такое была старая армия.

Почему же буржуазия могла сделать из рабочих и крестьян (ведь, большинство армии, солдат, состоит из них) орудием против самих рабочих и крестьян? Почему это мог делать царь и Керенский? Почему это до сих пор умудряются делать Вильгельмы и Гинденбурги, немецкая буржуазия которая превращает своих рабочих в палачей русской, финской, украинской и *немецкой* революции? Почему руками немецких матросов были расстреляны немецкие же матросы, восставшие, наконец, против насильников? Почему англий-

ская буржуазия подавляет руками английских солдат (а они тоже из рабочих) революцию в Ирландии. стране, которую угнетают и топчут ногами матерые банкиры Англии?

На этот вопрос нужно дать тот же ответ, что и на вопрос, как могут господа буржуа удерживаться вообще у власти. Мы видели, что это достигается благодаря прекрасной *организованности* буржуазного класса. В армии власть буржуазии покоится на двух основах: во-первых, на *офицерском корпусе* из дворян и буржуа; во-вторых, на муштровке и духовном убийстве, т. е. на буржуазной *обработке солдатских душ*. Офицерский корпус носит в общем чисто-классовый характер. Он выдрессирован так, что прекрасно знает военное дело и дело даванья зуботычин, дело крутой расправы с солдатами. Посмотрите на какого-нибудь бравого офицера гвардейца или на прусского щеголя с физиономией ретивого мопса. Сразу видно, что он, как дрессировщик в цирке, не жалеет солдатам раздавать направо и налево, что он научился (и учился этому много, долго и упорно), как держать в страхе и повиновении людское стадо.

Понятно, что если такие господа вербуются из буржуа и дворян, из сынков помещиков и капиталистов, то они будут вести армию по совевершенно определенному пути.

Посмотрите теперь, что такое солдаты. Приезжают они серыми людьми, не связанными друг с другом, распыленные, не могущие дать отпора, с душою, уже из'еденной попами, школой. Их тотчас же рассаживают по казармам, и обработка начинается. Запугивание, внушение самых противонародных мыслей, постоянная

система страха и наказаний, развращение наградами за преступление (например, за расстрелы стачечников),— все это делает из человека полуидиота, куклу, которая слепо повинуется своим смертельным врагам.

Понятно, что с революцией армия, стоявшая обеими ногами на старых, царских основаниях, армия, которую и Керенский гнал на убой за Константинополь, неизбежно должна была разложиться. Почему? Потому что солдаты увидели, что их организуют, муштруют и бросают в сражения *ради преступной корысти буржуазии*. Они увидели, что они чуть ли не три года сидели в окопах, издыхали, мерли, голодали, убивали ради денежного мешка. Вполне естественно, что когда старую дисциплину вышибла революция, а новая *еще не успела* народиться, происходило разложение старой армии, ея распад, ея гибель.

Эта болезнь была неизбежной. Меньшевистские и эсеровские дурачки обвиняют большевиков: ага, что, мол, наделали,—царскую армию разложили! Но меньшевистские и эсеровские дурачки не видят того, что революция не могла бы победить, если бы в феврале армия оставалась преданной царю и его генералам, а в октябре—буржуазии. Ведь, солдатское восстание против царя *уже* было разложением царской армии. Всякая революция разбивает старое и гнилое, проходит сперва некоторое (очень трудное) время, пока не создастся новое, пока не начнут строить красивого дома на месте обломков старого свиного хлева.

Мы приведем сейчас один примерчик из другой области. Старые рабочие знают, что в былое время, когда крестьяне превращались в фабричных, шли в город, то первым делом они превращались в отчаянных

хулиганов, „огольцов“, „мастеровщину“. Слово „мастеровой“ или „фабричный“ было тогда почти-что ругательным словом. И действительно, эти рабочие были мастера озорничать, похабничать, ругаться и развратничать. На этом основании все реакционеры боящиеся всего нового проповедывали возврат к *крепостному праву.*

Они говорили: так как город развращает, так как в городе „избаловываются“, то нужна деревня и специально палка отца-помещика. Тут-то и будет процветать добродетель. И они злобно смеялись над теми, кто в рабочем классе видел соль земли. Они говорили нам, марксистам, ученикам великого коммуниста Карла Маркса: „Видите, ваши рабочие?! Ведь, это—свиньи, а не люди, это—матершинники! А вы говорите—соль земли! Плеть хорошая, арапник на конюшне,—тогда бы знали они, как вольничать“.

Все это многих „убеждало“. А на самом деле вот в чем была суть. Когда крестьяне уходили в города и порывали с деревней, то старые, деревенские устои, лопались. В деревне живут по старине: смотри в рот старику и слушай его, хотя бы он уже давно из ума выжил, сиди смирно на своем огороде и никуда носа не суй дальше этого огорода, бойся всего нового пуще огня. Вот мудрость деревни. Это была плохая мудрость, но она была уздой, которая создавала деревенский „порядок“. Эта мудрость в городах быстро исчезала; тут все новое: новые люди, новые отношения, масса новых, еще неизведанных соблазнов. Немудрено, что старая деревенская мораль исчезла. А чтобы *новая* создалась, должно было пройти еще некоторое время. Вот этот-то промежуток и есть период разложения.

Но, в конце-концов, на новой основе возникла *новая* мудрость: *солидарность пролетариата.* Фабрика сплотила рабочих, гнет капитала приучил их к общей борьбе, на место ветхой, дедовской, никуда негодной мудрости возникла новая, пролетарская, бесконечно более высокая. Она-то и превращает пролетариат в „соль земли", самый передовой, самый революционный, самый творческий класс. Правыми оказались мы, коммунисты, а не крепостники-помещики.

Теперь по отношению к армии место крепостников занимают меньшевики и эсеры. Они поют на все лады о разложении армии и обвиняют большевиков. И подобно тому, как крепостники звали назад, в деревню, к помещичьему крыльцу, под кнут, подобно этому меньшевики и эсеры зовут к старой дисциплине, на службу у Учредительного Собрания, на основе возврата к капитализму и прочим хорошим вещам. А мы, коммунисты, смотрим вперед. Мы знаем: старое сгнило, и оно неизбежно должно было сгнить, и без этого рабочие и бедняки-крестьяне не могли бы захватить власть в государстве в свои руки, но идет новое, более высокое, на место старой армии строится *красная армия социализма.*

Пока у власти стоит *буржуазия,* пока „отечество" есть отечество банкиров, торгашей, спекулянтов, жандармов, королей и президентов, до тех пор рабочий класс ни коим образом не заинтересован в охране этой грязной машины для наживы. Его пролетарская обязанность есть обязанность *восстания* против нее.

Только жалкие лакеи и прислужники денежного мешка говорят о том, что нельзя во время войны бастовать и восставать против разбойничьего империа-

листского государства. Понятно, что это мешает делу разбойничьей войны. Понятно, что волнения внутри страны и еще больше волнения в армии способствуют ее дезорганизации. Но как сломить, например, господство Вильгельма, не разлагая вильгельмовской дисциплины? Это невозможно. Немецкие матросы-мученики, казненные палачами Вильгельма, конечно, способствовали разложению по-разбойничьему организованной армии. Но если разбойничья армия внутренне крепка, — это смерть революции. Если революция крепка, — это смерть разбойничьей армии. Господа Шейдеманы, немецкие социал-предатели тоже травят Либкнехта, как разлагателя армии. Они травят всех немецких революционеров, немецких большевиков, как людей, которые „наносят удар в спину доблестной армии“, т. е. делу разбоя. Пусть обнимаются с Шейдеманами и прочей зловонной гнилью господа меньшевики: они — одного поля ягоды.

Для России это время уже прошло. Революция рабочих победила. Время разложения отошло в прошлое. Перед нами — время построения нового. Строится красная армия *не для грабежа,* а для защиты *социализма*; не для обороны барышнического отечества, где все было в руках капитала и помещика, а для обороны *социалистического* отечества, где все переходит в руки рабочих; не для кромсанья чужих стран, а для помощи *международной коммунистической революции.*

Понятно, что эта армия должна строиться на иных основаниях, чем старая. Красная армия должна, — сказали мы, — быть вооруженным *народом* при разоруженной *буржуазии.* Это должна быть классовая

армия *пролетариев и крестьянской бедноты.* Ведь, она направлена по сути дела против мировой буржуазии, в том числе и своей. Поэтому она не может включать в себя вооруженные буржуазные элементы. Впустить в армию буржуазию,—это значит вооружить ее; это значит создать внутри красной армии белую гвардию, которая легко может расстроить все дело, быть центром предательств и восстаний, перейти на сторону враждебных империалистских войск и так далее Не вооружать буржуазию, а разоружить ее, отняв у нее последний браунинг, — вот наша задача.

Второй, не менее важной задачей является *подготовка офицерского пролетарского корпуса.* Рабочему классу приходится отбиваться от врагов, наступающих со всех сторон. Война ему навязывается империалистскими стервятниками. А для современной войны нужны знающие специалисты. Они были у царя и Керенского. Их не было у рабочего класса и у крестьянской бедноты. Этих специалистов нужно создать. Для *этой* цели необходимо использовать старых специалистов: пусть они учат пролетариев. Тогда у социалистического советского отечества будут свои офицеры, будет свой *офицерский корпус.* И подобно тому, как в революции рабочий класс, более опытный и деятельный, ведет за собой крестьянскую бедноту, подобно этому на войне против империалистских насильников рабочие - офицеры будут вести за собой массу крестьянской красной армии.

Красная армия должна создаться на основе *поголовного обучения рабочих и крестьянской бедноты.*

Это обучение—дело самое спешное и горячее. Здесь нельзя терять ни одной минуты, ни одной секунды.

Каждый рабочий и *каждый* крестьянин должен быть обученным, и он обязан учиться владеть оружием. Только глупые люди рассуждают так: ну, до нас еще далеко,—пока еще к нам придут, мы „успеем". Русские лентяи часто так рассуждают. Во всем мире известно, что любимая поговорка русских—это „авось". „Авось успеем". А потом, глядишь, классовый враг, которого зовут бывшие помещики и капиталисты, тут-как тут и берет голубчиков уже за шиворот. И, быть-может, когда какой-нибудь бравый прусский унтер (или английский,—кто знает?) будет ставить к стене для расстрела, тогда добродушный земляк почешет голову и скажет: „Какой дурак я был раньше!".

Тут нужно спешить. Пусть Сидор не кивает на Петра, а Петр на Сидора. Пусть никто не ждет, а дружно берутся за дело. *Поголовное обучение*—это самая настоятельная, самая важная задача дня.

Старая армия была основана на *отуплении* солдата. Это происходило потому, что там капиталисты и помещики должны были править миллионами солдат-крестьян и рабочих, интересы которых противоположны интересам капиталистов. Капиталистическое правительство должно было поэтому делать солдата безмозглым орудием, действующим против своих же интересов. Наоборот, красная армия из рабочих и крестьян защищает свое собственное дело. Она может быть основана лишь на *просвещении* и на *сознательности* товарищей, которые вступают в ея ряды. Отсюда необходимость в специальных курсах, библиотеках, лекциях, митингах и собраниях. В свободные часы красно-

армейцы должны принимать участие вместе с рабочими в политической жизни, посещать собрания, *жить одной жизнью с рабочим классом.*

Это условие—одно из важнейших условий для того, чтобы создалась твердая *революционная дисциплина,* не дисциплина палки, а дисциплина классовой сознательности революционера. Если между армией и рабочим классом теряется связь, тогда армия быстро вырождается и легко может превратиться в банду, которая будет служить тому, кто больше платит. Тогда она начнет разлагаться, и ничто не спасет от этого разложения. Наоборот. Если красноармейцы будут находиться в живой связи с рабочими, жить с ними одной жизнью,—тогда они будут лишь тем, чем нужно быть: вооруженным органом революционных масс.

Одним из лучших средств для сохранения связи с массами, кроме уже упоминавшихся (лекций, политических собраний и так далее), является использование красноармейцев для непрерывного обучения рабочих стрельбе из винтовок, пулеметов и проч. Вместо лежанья, карт и прочих „развлечений“, вместо бессмысленного сиденья по казармам—здесь творческая работа, которая спаивает всех в одну дружную революционную семью. Так создается *вооруженный народ,* вооруженный пролетариат и вооруженная крестьянская беднота, которые будут стоять на-страже великой рабочей революции.

